

дух, легки, как перышко, висит над веями, ничего нет выше, кроме неба.

Въ львомъ окопѣ городъ... все тутъ, стрелы въ ладошку можно. Прямо — рѣка выливается, платаны зубастыми перестлаива. Дальше Варьбу, Святи — Ямична, свобода, вражий станъ. И жемье и зарбачоны — враги наши лютые. Съ первыми круглымъ годъ воюемъ, съ вторыми по осени на рѣкѣ на кулаки сходимся.

Сегодня нѣтъ враговъ, нѣтъ ничего въ сердцахъ старою — радостью исходитъ сердце.

Нѣту силъ, вмѣстить въ себя сладость пощую. Искрится вдали позвѣстный звонъ, течетъ по полямъ, по гѣсамъ, по горкамъ, роится расторгъ, слышеть шумомъ логамъ, близко — вотъ за спиной дышетъ махемъ полными, вѣтряными... Вотъ, вотъ... Поднятеся на цыпочки, вздохнуть глубоко-глубоко — распахнутся въ груди крылья легкия, стрѣлятыя, и полетитъ ровно, тихо надъ городомъ, надъ рѣкой, надъ пашнями, выше, выше, въ райскіе Господни сады...

Сегодня ночь расцвѣтеть солнами огненными.

Сегодня въ ночь подъ серебряный перелѣчатый трезвонъ, подъ грохотъ пушечный грянуть въ небо огни шестивѣтвенно рыможихъ свѣчѣвъ, расцвѣтъ ракеты синою темь кометами отголоскамъ, завоются вышо топлѣй фонтаны пламенные, взмоютъ свѣстунки-бураки, защелкаютъ, заисвятятъ, зайдютъ вверху, будто выножили что-то, разорвутся десятками мѣтей глужухъ, распадутся въ яркіе столы, солются въ вонзель сладостный, завѣтный: «Х. В.»

А на разсвѣтъ занеркитъ солнце, заиграетъ радужными огнями, возвѣститъ в'сть радостную, великую, отъ края до края:

— Христосъ Воскресъ!..

Николай Теодоровъ.

ВОИСТИНУ.

(Видѣть).

Въ нихъ была какая-то особая, прозрачная, рождающая ихъ съ Весною хрупкость. Слово это было совъ сахарный, чуть только застывшій. И шурти, въ овалѣ, оклеившемъ, золотойскою бумажной каемочкой въ вѣдѣлахъ, за стѣнкой... стояла груша: карусельныя изъ Священнаго Писанія.

Вы помните эти пасхальныя яйца? Ихъ заворачивали при покупкѣ бережно въ тонкую, приятно шуршавшую бумагу. Дома ихъ дарили бѣнѣ или кламѣ, а не мамѣ. Они считались «сиротскими», эти яйца, по мнѣ заводовали бѣнѣ мучительно и долго, ибо въ нихъ была какая-то фабу-

ла, какой-то содержательный орнаментъ, а не просто сухой символъ. Въ окошко было видно какъ внутри яйца стояли четко раскрашенныя, изъ гаргона тисненныя фигурки и были они намъ дороги и полны возножающаго смысла. На верхушкѣ яйца были прирѣплены мѣлыми азвѣчатый клапанъ, а надъ нимъ-колыо. Можно было подержать яйцо въ рукахъ далеко отставивъ отъ себя и любоваться и завидовать бѣнѣ. Всегда смотрѣли ей въ лицо, когда она полу-ада «кашама», у на, платѣ: и 10 рублой и это яйцо; мѣнятеся-ли она въ лигѣ отъ радости и пошмали,— да, отъ этого нельзя не измѣниться: Подъ большіе деревянные окладомъ рѣшалось оно, подъ Серафимомъ, и Георгіемъ, и Александромъ Новокимъ. Тамъ уже висѣло фарфоровое яйцо съ пыльнымъ лпловымъ бангомъ, вверху и съ блестяюмъ носомъ,— кажими-то рѣбными цвѣтами, подорожками или птицами. Висѣли синія, полу-хрустальныя, полу-стекляныя яйца съ выпушкой, тонкою позолотой бужь: «Х. В.». Кой-гдѣ позолота отстала и на стеклѣ остался матовый, клеювой слѣдъ.

Милое дѣтство. Теперь — сумерки. Теперь —... что теперь? Пасха стала вѣхою, календарною смѣною красныхъ, праздничныхъ листовъ. Ритуаломъ. Какою-то звуковымъ памято (Пасхалъ), унесенной изъ дѣтства. Тогда въ ней была радость дымныхъ факеловъ Исаакія, на жертвенныхъ треногахъ, въ осѣбныхъ къ Небу. Всею ночью были желѣзныя ободья извозчиковъ о крутыя камни мостовъ,— всю ночь по Морской и вдоль Зимнего по набережной билъ, глухій, поклавши копыта по гудкамъ, упрямъ торпана. Всею ночью трезвонилъ вѣтеръ съ Невы закручивая факелы Исаакія въ жгуты пламени,— всю ночь рядомъ съ темнымъ сердцемъ оиъ отосилъ вѣсь чью-то блуду, чистую дѣвчью вуаль.

А теперь? У Эйлеръ, у Ремпева и еще у кого-то за огромными парадными витринами выросли оконы глянцовой. И то, что въ магазинахъ были закрыты— дѣлало улицу какъ-то безороснѣе, праздничнее: все ходили не для покупки, не для дѣла, а просто для радости, для прогулки, точно Невскій — это дорога къ далекому Остро-вскому. Былъ открытъ и Jockey-Club и большія рѣбѣты были предъ Сибирскимъ Банкомъ противъ Гоетинаго двора и бурый, кремовый, длинная шпоре съ витыми шпурочками на копытѣ были опущены у Доминика во всю длину просторныхъ оконы. Тамъ, нѣтъ торы исправлялись и тамъ, гдѣ застала ихъ Пасха они лежали, обнесенныя порошковымъ перламомъ, кучкою, и на перилахъ висѣтъ фонарикъ и азвочникъ, обѣзжая препятствіе, вѣзжалъ наивѣншей, легкой, упротой пролеткою на трамвайные камни.

И къ Ремпеву, къ Эйлеру и другимъ зайти нельзя было. Въ этотъ день ничто

не продавалось. Но ихъ можно было видѣть, эти глянцныя, чрезъ парадная стекла, большія просторныя витрины, какъ-то особенно вычленившія къ этому дню, точно кой-гдѣ стекло расцвѣло и спрятао въ себѣ серебро весенняго дня. И толпа по Морской шла волотно и густо. Стукалы каблукны по квадратнымъ плитамъ, какъ они давило, всю зимнюю ночь не стучали.

Прошло.

Все прошло. Да, понятно, я знаю: пужны не влохи о прошломъ и не алтрическая замладна средѣ страничъ скупой и рѣзливой памяти. Нужны буши и новая трезвость и новая жизнь. Суrowая, крѣпкая руки для новаго труда. Все это вѣрно. Но жить, жить поавомъ души, молотью, поавтраваемымъ видѣньемъ въ-можно только въ прошломъ.

Вотъ у меня пальцы сегодня въ въ пѣстряхъ узоркахъ: и синихъ, и блѣлыхъ, розовыхъ, желтыхъ — и красить яйца «мармерной» краской. То есть, въ сущности, я не красить: я бѣдиль терпачиво и суетно по шпому не нужнымъ, дѣлать въ утергрундтѣ, выхолить въ обѣмъ потѣвъ изъ подъ земли, говорятъ «enschuldigen Sie!» и мѣръ простирганы в'вастныи, крѣпкимъ шпичникомъ мой картонныи билетъ: «X» «K», «FP» — смотря гдѣ сѣтъ. Но то что прочтѣе и неуловимѣе картона: моя душа — (вотъ я знаю теперь это навѣрно) — давно и поумозимо прострижена, проколота вѣчными буквами. Тѣ, кто смѣются надъ слабой душою, скопѣннѣ предъ прошлымъ, пусть радуются: они прсы. Есть неистребимая сладость въ этой объясняющей любви въ Родитѣ и если хотѣе, вотъ я стану здѣсь при утергрундтумъ выхолтъ на колѣни и закричу, подъ вѣшь довольной, хозяйской надъ Русью смѣхъ, — что мѣн не въ могоу быть здѣсь безъ весенней пашни, стрѣлой уходящей изъ вагоннаго ома, — безъ акаціи, сыпяющей свои сережки на деревеншій пастель дебаркадера гдѣ-нибудь на маленькомъ постучкѣ. Вотъ прѣйхатъ туда, выйти чинно и нити тихо, съ гудкамъ, сумашдѣе бывшимъ сердцемъ и чувствомъ вѣтъ вокругъ: «свое, оиатъ, свое. Въ каждой глухой птахѣ, и въ досчатомъ и дырчатомъ дѣрѣ, въ каварѣ со впечатаннами на сѣ...» ахъ крупными слѣдами ногъ: «свое, оиатъ, свое». Вамъ туда можно безротно, мѣтъ — нельзя. Но не бойтеся, я не стану на колѣни, я пройду мимо васъ такъ чинно и даже окаяу: «enschuldigen!» Все равно до дому еще далеко и я могу допрасить яйца: опуситъ ихъ въ трупочкѣ въ какой-то растворъ, обложитъ ихъ луковными листочками, перемазать руки и неумло, текучей краской, оставая ручейки и хвостки вдоль бужь — напечатъ «Х. В.» обвазать горшки глянцовой — любовно и туго — складчатой, шоршавой бумагой. И быть пыльнымъ отъ ихъ струстаго медлительнаго запаха, запаха тухихъ, весеннихъ

И можетъ-статься: въ перепалкѣ будней Забуду это шловоко не мт. Когда-нибудь за чашей путешестей, За мюзкой, беседуящей съ жизнью, На дальнихъ склѣхъ въ ди. оі, терт'ой кожѣ

Простоволосой и доступной Мерѣ Случится мнѣ поймать враспяхъ забелье.

Пылающей и тшетной дрожью помню: Свиновый вѣтеръ шарилъ по тѣлушкѣ, Вставалъ версты и ложился версты. Земля въ свѣгу. И въ силѣхъ карантина, На отмазлахъ разбросанныхъ поморей, За теплымъ бдѣньемъ съ дурочкой по-другой

Въ походномъ ясномъ зеркалачѣ мнѣ слияся

То Рокамболь, то Грифъ, то Казанова. Два спутника ингадъ не измѣнили — Завѣтный Маузеръ и пригожий Случай. Но безпробвѣтно-бези-ходно зло: Въ часы и дни послѣдняго ущерба Мнѣ выпало дышать и задыхатся Мѣ строгимъ жаромъ философской прозы,

А смртной прозой легендарныхъ будей. Евгений Исакинъ.

колокольцовъ. Потрогау указательнымъ пальцемъ напруженною луковницу, чуть вытѣшную изъ земли, и найду что гашыши земли сухіе, полить медной, волготной воды.

Вы думали когда-нибудь о томъ, что жизнь хороша, — мучительно, исторично хороша и что въ нашихъ мукахъ и казняхъ — есть какая-то огромная, первоначальная ошпака. Все расчлнено, какъ будто, на Любовь, больную и истекающую, какъ кровь подъ копытомъ, разлившимъ тѣло Распятаго. А вокругъ — Ея вѣтъ.

Такъ вотъ, оно вѣшалось это яйцо, прозрачное и хрупкое, словно сродненное своей сахаристостью ломкостью съ Весной, подъ самымъ кютомъ. Тамъ еще была съ прошлой Пасхи наисосомъ заснувшая верба — поперѣвшій и пыльный пучокъ. Тамъ еще была въ граненомъ стаканѣ сытая вода. И еще одно яйцо фарфоровое съ бантомъ и блестямъ, фиолетовымъ расунокомъ, похоянымъ на крыло. И тамъ была наша вѣра, наша неубиваемая Любовь.

Вотъ, вижу гладыши, — чую, какъ воздухъ съ Невы пошевелилъ твою прядь и тронуть вуаль. Подъ вуалью на шеѣ дѣдъ родимыя точки, которыя ты потомъ передала нашему ребенку.

Ты знаешь, я думаю, что Богъ — есть. Съ каждымъ годомъ я знаю это крѣпче, я знаю это глубже. Скоро я узнаю это навѣрно.

Сергей Горный.

мышы... изумрудъ топкихъ лужаскъ: голубая незабудки... Лѣса, гдѣ корни деревьевъ уходятъ въ воду, словно въ манговыя рошачъ Гвиненъ... Ржавыя, гнилая воды — лужами, потоками, прудами; на черной посеужности — фарфоровыя чашки вѣдьяныхъ лѣилъ... На закатѣ — вода, какъ красная мѣль...

Къ вечеру: ощущение, что уже было здѣсь... когда то; видѣтъ — скучные, тускые просторы, черную гать, брошенную поперекъ травянистаго луга, пушистая метелии тростниковъ... Маленькій вокзалъ... Запахъ прѣдъ и керосина... Ужизаю жирными карасями... Созѣты блѣднолицато желѣзнодорожника (оизъ въ лихорадкѣ) пѣтъ побольше водки, чтобы уберечься отъ заболѣзанія... я не пою...

28 апрѣля. 3 ч. 25 м. ночи. Замокъ между болотъ.

Зачѣмъ я въ этомъ странномъ, грустномъ замкѣ, въ запѣсневѣлой башнѣ, гдѣ по члг мъ столько паути ны? Въ о т. н. я болѣе: у меня ледяныя руки и огненная голоза... Почему старикъ, продавшій меня сюда, сказалъ такъ странно, «Хозяинъ еще нельзя видѣть»? Я думаю, въ четвертомъ часу утра! Но почему оиъ, подчеркнулъ «еще»? Непонятный... Ахъ, какъ горяча моя голова! Отъ жара я плохо припоминаю, какъ попалъ — въ башню съ запѣсневѣлыми углами... Помню: тусклые безгранничности болотъ (чудовищами казался купы тростника... подъ ногами чавкало, хлопало...) Шель безъ конца... безъ остановки: все время одно и тоже: тускляя безгранничности болотъ, ржавые свинца каналы и лунный свѣтъ — серебранныя кисея... Да, — еще: комары жуужали... О, настоящие жалобные стоны комариныи! Казалось: олакивали меня, прошлую жизнь хоронили; блескъ баловъ въ Императорскомъ дворцѣ и тихіе часы работъ въ Академической Библиотекѣ; расцвѣтъ дня, когда я надъ розоватыми свѣ-амъ тибетскихъ горъ видѣлъ бѣлая стѣны монастыря Семи Лотосовъ, и звѣзды Африканской ночи, въ которую я съ шестью спутниками отби-

вался отъ черной, воющей толпы сомалийцевъ; пахуче ванилью подблудъ желтой яванки въ китайскомъ кварталѣ Сингапура, и агатовый взглядъ незнакомой дамы, брошенный мнѣ изъ золоченнаго бенуара Большой Опезы — всего три дня назадъ — все отхо-чю. отпадъ лод, расплывалось — луннымъ туманомъ, серебристою кисею... Не было — странно... не было — жалко... Безмѣрная крѣпла надежда: иду въ Зеленое Царство... Шель — въ лунный свѣтъ, въ комариные жалобы; — пока, — черная не подыалась башня, и не встрѣилъ меня старикъ, проводившій сюда, въ горницу съ запѣсневѣлыми углами...

Примѣчаніе Бокума.

Запись отъ 28 апрѣля принадлежить къ наиболее таинственнымъ, необъяснимымъ мѣстамъ дневника графа Монка. Конечно, это написано въ лихорадочномъ бреду. Но — гдѣ сдѣлана графомъ запись? Графъ не поствилъ ни одной изъ помѣщичьихъ усадѣб Мокрыхъ Полей. Остаеся предположить, что, въ безпачетствѣ оиъ забавля въ какой-то покинутый замокъ. Такихъ замковъ въ провинціи Мокрыхъ Полей — три: Аскаръ — Гвионъ, куда графъ не могъ попасть: эти развалины находятся въ 80 километрахъ отъ Албая; Бузико, гдѣ ващъ корреспондентъ послѣ тщательнаго осмотра не нашелъ никакихъ слѣдовъ прѣбыванія графа, и очень древняя руина, извѣстная подъ именемъ Глухой Башни, всмашающаяся посреди непроходимыхъ трясинъ Черной Зыби. Ее ващъ корреспондентъ посвѣтилъ не могъ, т. к. даже наиболѣе опытные проводники изъ мѣстныхъ жителей не знаютъ къ ней дороги. Развалины эти пользуются въ околоткѣ нехорошою славою: будто по ночамъ тамъ собирается нечистая сила. Какъ это ни странно, но наиболѣею вѣроятностно, можно предположить, что графъ приникъ въ это непростъ, псе мѣсто: ослатривая болото съ Зальтвейнской дамбы, ващъ корреспондентъ примѣтилъ на одной

изъ кочекъ блестящій предметъ, по разсмотрѣннй его въ бинокль, оказавшійся золотымъ портъ-сигаромъ. Добратся до кочки ващему корреспонденту не удалось, но такъ какъ на трупѣ графа не нашли его любимаго портъ-сигара, съ которымъ оиъ никогда не расставался, то, естественно предположить, что золотой предметъ на кочкѣ есть именно графскій портъ-сигаръ. Очевидно, забредя въ припадкѣ лихорадки въ Черную Зыбѣ, Графъ, со страннымъ счастьемъ лунатикомъ, болыныхъ и безумныхъ, благополучно переребрасъ черезъ трясину въ Глухую башню, гдѣ и пролегалъ около трехъ дней, послѣ чего, вѣроятно, также, безосознательно, выбрался изъ башни обратно, чтобы свалиться безъ силъ и умереть на опушкѣ Марцанскаго лѣса. Ващъ корреспондентъ, прерасно сознавая, всю гатяку такого объясненія, предположающаго дважды повторенныи совершнню немнѣстнымъ переходъ черезъ зыбучую трясину; но что дѣлать? Это объясненіе единственно приближается къ реальности...

29 апрѣля. Тамъ же.

Печаль и радость. Печаль — болотъ, бурозеленыи вокругъ замка раскатившійся скагертами... Кажется: нѣтъ въ мѣрѣ ничего, кромѣ черной воды, печальныхъ камышей и жалобнаго плача куликовъ... Почему я воображалъ, будто жить, занимался наука, открывать вулканы въ Чилиѣ ихъ Андахъ, любить многихъ женщинъ? Не было ничего: были болота: черная вода и шельтъ камышей; а надъ болотами носились сыи — лунный туманъ; путешестія, любовь, улыбка чьихъ то агтѣвыхъ глазъ... Мнѣ печально: зачѣмъ я спалъ такъ долго? Зачѣмъ бездомнымъ лунатикомъ бродилъ въ несуществующиыи Вирмахѣ, въ призрачныхъ Тибетахъ? Но мнѣ и радостно: — близокъ часъ пробужденія. Стрѣною шыряетъ вокругъ меня мышью странный старикъ; бормогетъ: — Скоро, скоро выйдѣтъ госпожа...

Горькимъ поитъ меня виномъ (старикъ-древній, древній) должно быть, рожденный вмѣстѣ съ болотными ржавыми водами — и горькимъ упивался виномъ, предчувствую: я у врагъ Зеленаго Царства. Скоро, скоро выйдѣтъ Госпожа, Царница съ золотыми ключами, — и стркою я новую землю, и открою я носоз небо, гдѣ жизнь — не болтъ тне надъ гнилыми водами сыи, но вѣчно-сверкающая, несмертельная Реальность...

30 апрѣля. ночь чуд...

Свершается... Огненными расцвѣтаютъ болота цвѣтими... Огонь... Огонь. О, нестерпимый блескъ: все стало изумруднымъ, какъ тогда... въ дѣтскимъ свѣ... Она идетъ... Незнакъсиная, съ лучистыми очами... Словыиъ отомнѣтъ ключемъ... врата Зеленаго Царства... О, этотъ зеленый блескъ... Изнемогаю... Незнакъсиная, какъ сладостно тѣло поцлудъ... Новую вижу землю и новое солнце... Солнце... Солни...

Примѣчаніе Бокума.

Здѣсь обрывается запись графа Монка, дозеденія, почти до послѣдняго минути жизни славнаго путешественія: а (какъ въ вѣстѣ тѣло графа было найдено на разсвѣтѣ 1 мая, но врачи предполагаютъ, что оиъ скончался, приблизительно около полночи 30 апрѣля; вѣроятно, неокончено: слово «солни» (ныо обрвало на чавшейся агоніей).

Конечно, не можетъ быть двухъ мѣстъ о предсмертныхъ записяхъ графа: это бредъ болотнаго. Но остаеся вопросъ: былъ ли этотъ бредъ то-ь о фантазіи: несчастнаго путешественника, или же въ обстановкѣ его послѣдняго илжъ сохранились факторы, опрѣвѣившіи на правленіе бреда? Вопросъ этотъ, къ сожалѣннйо, должѣтъ остаться безъ отвѣта: разрышнть его могло бы лишь посѣщеніе Глухой Башни, — но Глухая Башня — недоступна.

Владиміръ Амфитетровъ-Надашевъ